

Марии

*Какими словами облегчу я твою боль
И дам тебе силы жить снова.
Как мне забрать тебя оттуда,
Где ты держала в руках свое разбитое сердце.*

К. Макдональд / Р. Макдональд — RUNRIG*

---

* Runrig — шотландская келтик-рок-группа. Основатели группы — братья Кэлам, Рори и Блейр Макдональды. — *Прим. пер.*

ПРОЛОГ

Как обычно, она сидела в кресле-качалке. Краска на сиденье и подлокотниках давно стерлась. Это кресло было с ней всю ее жизнь, и если все пойдет, как задумано, она, устав от суеты дней, уснет в нем навсегда.

Она сложила руки на груди. Длинные тонкие пальцы выдавались из морщинистых кистей, голубоватые червячки вен вились под кожей. Суставы опухли и болели, но ее это не беспокоило. Завтра ей наверняка станет лучше. Кресло равномерно покачивалось, вперед-назад, вперед-назад, и свисавший с шеи медальон колебался вслед за ним. Полозья кресла были вырублены грубо, никто не позаботился о том, чтобы убрать шероховатости.

Ей нравилось наблюдать из окна за дорожным движением, но сейчас не было видно ни машин, ни прохожих. Она тихонько покачивалась, изредка хитро улыбаясь сидящей на диване кукле. Ее нужно было переодеть, но кукольная одежда как сквозь землю провалилась. Боль немного отступит, и она поищет более тщательно. Нельзя же кукле сидеть вот так, полуголой.

Она тихонько запела песенку, названия которой не помнила, и все так же смотрела в окно. Солнца на востоке не было. Она наклонилась вперед, но вообще не увидела его

на небе. Она продолжала напевать, решив больше об этом не думать. Пропела мелодию несколько десятков раз, и вдруг внимание привлек какой-то странный звук. Она остановила кресло и прислушалась, а потом продолжила качаться. Кресло, как обычно, поскрипывало, но ей показалось, что она услышала что-то еще. Ощущение присутствия в доме человека не оставляло ее, и она снова взглянула на куклу. Вдруг ей перестало хватать воздуха. Что-то зажало нос и рот. Скоро тело затряслось в отчаянных судорогах, но воздух в легкие так и не попал. Она разглядела рядом с собой какую-то тень, мутные очертания лица, показавшегося знакомым. В панике она попыталась вскочить, но руки оказались прижаты к подлокотникам. Все вокруг стало бесцветным, легкие работали на пределе возможностей — и вдруг все прекратилось. Боль в груди отпустила, потихоньку получилось сориентироваться. Она поняла, что привязана к креслу, а на голове — пластиковый пакет. И единственный доступ воздуха — маленькое отверстие, не больше монеты.

СУББОТА, 31 АВГУСТА

ГЛАВА 1

Это случилось в самый теплый день года. Поначалу мать утешала себя тем, что в тот день, который, как она опасалась, мог стать последним в жизни ее дочери, на небе ярко сияло солнце.

Ида, которой шел седьмой год, за обедом нетерпеливо болтала ногами, увлеченно рассуждая о том, чем собирается заняться. Две куклы «приставали» к ней с просьбой отвести их погулять в коляске, и крошка копировала собственную мать, по-взрослому повторяя, что свежий воздух еще никому не повредил. Поковыряв рагу и выпив полный стакан домашнего лимонада, она встала и беспокойно затопала ногами. Она была готова бежать и не хотела терять ни минуты. Тело рвалось вперед, пока мама пыталась аккуратно застегнуть на ней кофту. Объятие, любящий шлепок — и вот она уже на свободе. Подойдя с коляской к выезду из двора, Ида обернулась и посмотрела на кухонное окно. Широко улыбнулась, увидев спрятавшуюся за шторой маму. Гордо провела рукой по гладкой ткани платья. Почти новое, она надевала его всего лишь раз, в начале лета на школьное воскресное мероприятие. Волосы цвета ванили были аккуратно собраны в хвост, у края волос виднелась полоска незагорелой кожи. А вот

лицо и руки были совсем коричневыми. Лето выдалось на удивление солнечным.

Ида вприпрыжку побежала по узкой тропинке, выходящей мимо пригорков и иногда поднимавшейся на округлые, поросшие зеленью, холмы. Хотя этим летом она научилась плавать, мама строго-настрого запрещала приближаться к морю. И страх пока еще побеждал любопытство.

В момент, когда мама отпустила штору, Ида повернулась и помахала ей на прощание. Но как только дочь пропала из виду, у матери в душе зародилось неприятное предчувствие. Ида раньше никогда не махала ей, когда играла на улице! Мать постаралась отбросить от себя это ощущение, но уже через несколько минут снова выглянула в окно и попыталась найти глазами дочь. Она заметила знакомый высокий хвостик за пригорком и, улыбнувшись, отвернулась и продолжила мыть посуду. Закончив, мать вытерла руки полотенцем и вышла на лестницу. Летняя жара скорее изматывала, чем приносила удовольствие. За скалами виднелась ровная гладь моря, но Ида не стала бы к нему спускаться. Мать улыбнулась, вспомнив, с каким величайшим опасением дочь относилась к воде. Даже бассейн она воспринимала как угрозу. Мать направилась к подъездной дорожке, постоянно высматривая дочь. Она снова начала беспокоиться, но потрясла головой, чтобы отбросить ложные подозрения, и повернулась, дойдя до тропинки.

Вернувшись на кухню, она принялась собирать игрушки и разбросанную одежду и делала это с каким-то

отчаянным усердием, словно сейчас было крайне важно привести дом в порядок. Она изо всех старалась не смотреть в окно, но ее буквально манило к нему. Иды не было видно. Медленно и осторожно, словно совершая нечто незаконное, мать снова вышла на лестницу. Никаких звуков детской игры слышно не было, никаких поддельных голосов кукол, лишь ровный гул дороги вдалеке. Все еще колеблясь, мать пошла по тропинке. Следы игрушечной коляски исчезали там, где грязь уже засохла, но снова появлялись в тени валунов. Ида была в том возрасте, когда дети болтают без умолку, однако мать, отошедшую уже на пару сотен метров от дома, преследовала тревожная тишина.

— Ида!

Она не узнавала собственный голос, в котором явно слышалась тревога. Снова позвала дочь, в этот раз громче, но ответом стало лишь легкое дуновение ветерка. Перед глазами предстал первый поход дочери в бассейн и то, как она вертелась, чтобы вода не попадала в глаза. Мать резко повернула к морю. Почти сразу же она заметила в траве рядом с тропинкой коляску. Не перевернутую, не отброшенную в сторону — коляска аккуратно стояла так, словно ее поставила сама Ида. Мать снова прислушалась, пытаясь уловить детский голос вдалеке, но услышала лишь пульсацию крови в висках.

Она подошла к коляске, где спали аккуратно уложенные и накрытые пледом куклы. Наверное, Ида просто решила немножко прогуляться, и все же мать пошла самой

короткой дорогой к морю. Вдруг у нее с ноги соскочила сандалия. На какое-то мгновение мать замерла от ужаса, словно если она сейчас пойдет босиком, то признается, что с дочерью что-то произошло, но потом быстро надела сандалию обратно. Подойдя к скалам, выходящим к морю, мать подготовила себя к тому, чтобы увидеть безжизненное тело дочери в волнах. Но детских сандалий на камнях не было, как и красного платья на поверхности воды.

Конечно же, Ида вовсе не спускалась к морю, как она вообще могла такое вообразить. Мать развернулась и пошла обратно, абсолютно уверенная в том, что Ида появится с минуты на минуту, она просто заигралась и даже не подумала о том, что мама может волноваться. Конечно, Ида вполне могла пойти к кому-нибудь из соседей, хотя ровесников дочери поблизости не было. А может быть, они просто разминулись, и прямо сейчас дочь уже дома и давно забыла про кукол и коляску. Наверняка все именно так. Ида просто пошла другой тропинкой и зашла на веранду с задней части дома. Мать постаралась улыбнуться, убеждая себя в том, что причин для беспокойства нет, и направилась к дому. Обойдя небольшой холм, она увидела, как в сухой траве что-то блестит. Она сразу же узнала заколку дочери, серебряную, с бабочкой. От легкого ветерка крылышки бабочки подрагивали.

ГЛАВА 2

Звук двухтактного двигателя, работающего на реверсе, разошелся по всему корпусу судна. Приглушенное бурчание, затихшее, когда лодка плавно проскользила последние метры до причала. Матросы, привыкшие постоянно перекрикивать ветер и волны, сейчас тихонько переговаривались, словно в штиль их суровость испарялась. С носа и кормы на сушу полетели канаты, которые следовало закрепить, а потом с легким хлопком открылся люк на борту судна. Опустили трап. Он подождал, пока на берег сойдет последний пассажир, а потом спокойно вышел сам.

На причале, где грузчики готовились к погрузке и разгрузке судна, дул фён*. Человек оставил за собой грохот подъемных кранов и рычание грузовиков и вышел с пристани. Размяться было приятно, хотя с каждым шагом идти становилось все труднее и периодически приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Футболка промокла от пота, но дело было не только в жаре. Всю дорогу его

---

* Фён — нем. Föhn, от лат. favonius (фавоний — римский эквивалент греческого зефира) — сильный, порывистый, теплый и сухой ветер, дующий с гор в долину. — Прим. ред.

не покидала тревога. Это была его третья попытка, а ведь тройка — счастливое число, не так ли?

Город превратился в призрачный ландшафт с нечеткими зданиями, звуки смешались в далекое невнятное бурчание. Он был голоден, но даже не чувствовал этого. У него перехватило дыхание, и пришлось сбавить шаг. Постепенно все вокруг приобрело обычные очертания. Машин на дороге было немного, постройки стали встречаться реже. Осталось всего несколько сот метров, он знал это. Он вытер пот со лба и пошел дальше спокойно и размеренно. Именно такие редкие дни, когда море сверкает и солнце заливает береговую линию, заманивают молодых людей в моряки. Вот только в реальности их куда чаще ждут метровые волны, суровое море, дождь, готовый за считанные секунды промочить до нитки, и снегопад, за которым не видно ни зги.

Он сел на камень и зажмурился от яркого солнечного света, отражавшегося от мелких камушков. Валуны на берегу были похожи на застывшие гигантские волны, оставшиеся после страшных осенних штормов.

Через четверть часа он ухватил краем глаза какую-то фигурку. Сначала это был лишь смутный силуэт, но постепенно красный цвет стал отчетливо виден. Солнце все еще слепило, и он заслонился от света ладонью. Фигурка наклонилась — видимо, сорвала цветок — длинный хвостик качнулся вперед. Это была она.

Сердце забило так, что в груди стало больно. Девочка пополняла букет все новыми цветами, а потом

направилась к камню, на котором он сидел. Она шла, опустив взгляд, сосредоточенная на сорванных растениях. Он быстро оглянулся, надеясь, что и остальные последовали его примеру и вышли насладиться солнышком. Он представил, как взмахнет рукой в знак приветствия, легонько пожмет плечами, мол, какой неожиданный подарок преподнесло нам это бесконечное лето, и встанет, чтобы размять затекшие ноги. Улыбнется девочке, кивнет незнакомцу. А потом просто уйдет, не оглядываясь. Просто приятный прохожий, наслаждающийся жизнью.

Но рядом никого не оказалось. В глубине души он знал, что никто не появится и то, что он задумал, предопределено судьбой. Девочка остановилась, разглядывая собранные цветы. Она что-то напевала — до него донеслось легкое мурлыканье, к горлу подступила тошнота. Он опустил голову и медленно сосчитал от десяти до нуля. Может быть, девочка успеет повернуться, пока он закончит считать? «Два, один, ноль». Он поднял глаза. Тошнота усилилась. Она подошла ближе. Хвостик на затылке покачивался из стороны в сторону, а платье, красное как спелый томат, мягко облегало худенькое тельце. Она снова разглядывала букет, не замечая, что уже не одна. Он знал, что, если сменит позу, девочка тут же его обнаружит. Осторожное покашливание, и она мгновенно повернется. Но язык прилип к нёбу, руки и ноги налились свинцовой тяжестью. Он рассматривал ее красное платье, и ему казалось, что девочка парит в воздухе.

Ее лицо и фигура слились воедино, тело превратилось в бесформенную массу. Лишь красный цвет платья сохранил свою яркость. Потом ее очертания снова обрели четкость. Маленькая девочка с букетиком полевых цветов. Прямо перед ним.